

После более чем получасового раздумья Вирак затушил сигарету, встал из-за стола и прошел в простую фотолабораторию, устроенную в маленькой комнате. Не заботясь о том, что негатив после экспонирования будет аннулирован, он разорвал непроницаемую ткань, которой было заклеено окно.

В комнату, в которую с тех пор, как Вирак стал фотографом, не попадало солнце, хлынул свет.

Он прильнул к окну и распахнул его настежь: небо было серым, вдалеке грохотали сталелитейные заводы, а влажный воздух наполняла леденящая душу вонь.

Вновь окунувшись в суровость этой давно забытой среды, необычайно хладнокровный Вирак не шелохнулся, лишь смотрел на бескрайние просторы разрушающихся трущоб, не отрываясь.

В это трудно было поверить, но он действительно вернулся на два месяца назад.

Он не хотел сейчас думать о том, почему это случилось, ведь через два месяца ему предстояло погибнуть в заговоре, намеренно инсценированном под случайную смерть, и благодарность за этот момент полностью перекрывала чувство ужаса.

Сегодня была суббота, 15 июля 1433 года. Суббота была обычным еженедельным днем отдыха, который никогда не менялся за все годы работы фотографа. А 15 июля стало днем, изменившим его жизнь.

Если бы все это не было сном, то сегодня ночью команда людей, мчавшихся из столицы Лезайна, разыскала бы его и доставила в Лезайн, чтобы использовать его для выдачи за погибшего старшего сына семьи Томасов и разрядить кризис в их консорциуме.

Он достаточно хорошо помнил ту ночь, чтобы с легкостью предположить, что еще через четыре-пять часов семья Томасов будет у его дверей, полупринудительно забирая его в Лейзейн.

"Норд, Демпси" Имена двух близких друзей пронеслись в голове Верлака.

Норд, Демпси также оказались рядом, когда приехала семья Томасов. Изначально семья Томаса хотела избавиться от этих двух людей, которые не представляли для них никакой ценности, чтобы не допустить утечки информации. Однако по настоятельной просьбе Вирика они были доставлены в столицу Лейзейна и в итоге погибли там вместе.

Как раз в тот момент, когда в его голове всплыли имена этих двоих, в дверь неожиданно постучали.

Стоя перед окном, Вирик опомнился и повернулся к двери, чтобы открыть ее.

На пороге стоял ухмыляющийся Норд в бежевом плаще, держа одну руку в кармане, а в другой - рис. Он был на четыре года моложе Вирика, всего двадцать два в этом году: "Демпси сказал, что сначала примет душ, а потом придет".

По субботам большинству рабочих в Республике Бресси разрешалось уходить с работы на несколько часов раньше. Это единственное свободное время, которое у них было каждую неделю, Норд и Демпси обычно использовали его для того, чтобы прийти в комнату Вирика, и вместе поесть и выпить, наслаждаясь редкой минутой расслабления.

"Хм..." Вспомнив, что случилось с Нордом и Демпси два месяца спустя, Вирик медленно взял

упакованную еду и поставил ее на длинный стол, снова напомнив: " Твои ботинки такие грязные и замызганные, просто сними обувь у двери."

"Чистота - это прямо-таки фатальный недостаток в таком месте, но мне это нравится". Норд уже давно привык к просьбам Вирика и аккуратно снял ботинки у двери. Войдя в дом босиком, он уловил свет из окна: " Чего это окно открыто?".

Вирик, в голове которого царил смятение, небрежно ответил: "Планировал воспользоваться перерывом, чтобы заново заделать трещину".

"О." Норд не стал ничего подозревать и сел за стол, оглядываясь по сторонам: "А где вино, которое я принес на днях?"

"Там, наверху, найди сам". Вирик сидел за столом и курил сигарету.

Норд встал, нашел в простенке бутылку вина, которую принес несколько дней назад, налил полстакана и не спеша выпил: "Почему ты ведешь себя как будто чем-то озабочен?"

"Ты слишком много думаешь". Вирик слегка покачал головой, размышляя о том, стоит ли ему бежать отсюда во избежание новой трагедии.

"Вот как?" Норд, держа в одной руке бокал с вином, откинулся на спинку стула и, скрестив ноги, стал наблюдать за спиной Вирика.

Демпси тоже не заставил себя ждать.

Демпси было тридцать лет, это был коренастый молодой человек с густой бородой. Как и большинство жителей трущоб города Зводе, он работал сталеваром на ближайшем металлургическом заводе. Если он заканчивал работу и приглашал Вирика поужинать вместе с ним, то должен был сначала принять душ, иначе Вирик, который был в некотором роде помешан на чистоте, отказывал ему без пощады.

В узкой комнате сразу стало тесно, когда в нее втиснулись трое рослых мужчин. Хотя было трудно даже повернуться, никто не жаловался. Потому что это помещение площадью всего семь-восемь квадратных метров при годовой арендной плате в две тысячи четыреста медных гранов, что равнялось двум пятым годового дохода Вирика, уже было лучшим местом для жизни в трущобах.

Да и планировка этого помещения размером с ладонь была очень простой. Слева от входа стоял изящный стол, рядом с ним - два высоких стула. Справа стояла комбинированная кровать с письменным столом и шкафом. Прямо напротив, у окна, занимавшего почти половину комнаты и плотно закрытого непроницаемой тканью, находилась простая фотолаборатория для проявки фотографий.

У Вирика было всё, что вызывало зависть и ревность у других жителей нищих кварталов. Но на самом деле, всё, что он имел, можно было увидеть сразу после входа в его дом, словно можно было заглянуть во всю его будущую жизнь.

Вирик принес стулья и поставил их перед столом, как раз столько, чтобы они могли сидеть втроем.

На ужин сегодня были пирожки на ржаном тесте и капустный суп. Цена была умеренной, всего шесть медных на троих.

"Ах да, газета". Когда он уже собрался есть, Норд вдруг что-то вспомнил, достал из кармана плаща несколько сложенных газет и протянул их Вираку.

Газеты были для Вирака как бы единственным средством получения информации о внешнем мире.

Норд, с тех пор как стал официантом в одном из ресторанов города Зволле, каждый день приносил Вираку несколько экземпляров газет, оставленных посетителями, чтобы тот мог их почитать.

Газеты в гетто, конечно, продавались, но они были не так выгодны, как если бы Норд приходил с бесплатной газетой. К тому же в трущобах выходила только ежедневная газета "Зволле", а в центре города - экономическая газета "Бресси", политический еженедельник, "Мир", "Западные новости" и другие известные крупные газеты - содержащие материалы совсем другого уровня.

Вирак держал газету, но не мог сосредоточиться на чтении ее содержания. Время поджимало, и он должен был принять важное решение, которое полностью повлияет на всю его дальнейшую жизнь, до приезда семьи Томаса, пока у него еще есть выбор.

Норд с энтузиазмом налил Демпси бокал вина, и они вдвоем принялись за работу.

Норд взглянул на Вирака, который читал газету: "Посмотри, какую жизнь ты ведешь, мне сразу захотелось снять отдельную комнату".

Демпси откусил большой кусок: "А разве та комната напротив Вирака еще не пустует? Но сможешь ли ты выложить такие деньги?"

"Если я буду хорошо работать в ресторане, то должен зарабатывать шесть тысяч медных в год, что позволит мне снять одну комнату". Норд изобразил на лице сосредоточенное выражение, стараясь, чтобы эта его идея выглядела взрослой и осуществимой.

"Это так, но ты не сможешь накопить". Демпси презрительно хмыкнул.

Он хорошо знал расточительность Норда, и заставить того накопить четыреста медных, не говоря уже о двух тысячах четырехстах, было несбыточной мечтой.

"Тогда подумай об этом еще раз". Две тысячи четыреста медных - не такая уж маленькая сумма для него, - Норд символически заколебался на мгновение, пригубил полный рот вина и утешил себя: "На самом деле, жить в восьмиместной комнате тоже неплохо. Всего восемьсот медных в год, и я получаю хорошую еду, питье и одежду, что еще нужно?"

Услышав это, молчавший до сих пор Вирак фыркнул и вмешался: "Экономическая газета опубликовала ряд данных. В прошлом году годовой доход на душу населения в Бресси составлял сто пятьдесят один золотой, или пятнадцать тысяч сто медных. Вы не дотягиваете даже до половины дохода на душу населения и при этом считаете, что хорошо проводите время?"

"По крайней мере, в нашем бедном районе я живу неплохо. Если сравнивать меня с богатежом из центра города, то я, да и ты тоже, сильно отстаем от них". Норд смущенно возразил.

Услышав это, Вирак застыл на месте.

"Знаешь, по меркам нашего района ты относишься к категории людей с высоким доходом. Мы делаем фото вместе, но ты даже не даешь мне скидку..." - весело сказал Норд.

Не успел Виллак что-либо ответить, как Демпси вставил: "Хватит, я и раз в год-то едва фотографируюсь, не то что ты, красоваться любишь. Если бы Вирак давал тебе скидку, то в следующем месяце ему пришлось бы вернуться в комнату на 8 человек..."

После того как трапеза была почти закончена, Норд и Демпси пили вино и рассказывали о том, что нового произошло сегодня в трущобах, а Вирак нес тазик в ванную, чтобы умыться.

Едва выйдя на улицу, он почувствовал запах дыма, алкоголя, пота и рвоты, пропитавший коридор. Смесь этих запахов вызывала тошноту, и Вирак с трудом привыкал к ней, но теперь смириться с ней было еще труднее.

И это чувство тошноты усилилось, когда он вошел в ванную комнату.

Поскольку ванная комната была соединена с туалетом, откуда исходил запах рвоты, фекалий и мочи, запах здесь был в несколько раз сильнее, чем в коридоре, и почти приближался к пределу, который может выдержать человек.

Отмывшись от зловония, Вирак быстро отнес тазик в дом, где пьяный Норд громко спорил с Демпси о том, чья очередь платить за ужин, общая сумма которого составляла шесть медных.

Шум вокруг, неприятный запах в коридоре, скромные и тесные комнаты, предсказуемая и скучная жизнь.....

Прожив в столице Лейзейна два месяца, Вирак стал как-то не в силах терпеть такую жизнь - даже если он жил в лучших из трущоб и работал почти в лучшей из трущобных профессий.

Молча вытащив шесть медных, чтобы расплатиться за ужин, Вирак, размышлявший о побеге из трущоб, чтобы не быть найденным семьей Томаса, решил остаться здесь и ждать, пока семья Томаса найдет его.

Это был самый опасный и единственный выбор, который он мог сделать, если хотел изменить свою неизменную жизнь.²⁷

<http://tl.rulate.ru/book/94116/3155395>